

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ВОСТОК — ЗАПАД⁸⁷

Когда мы используем понятия «Восток» и «Запад», то надо понимать, что наша ориентация в географическом пространстве исходит из привычной для нас модели евроцентризма. На самом деле, категория «Восток—Запад» весьма относительная. Ведь с точки зрения индейцев, Европа — это восток. Но европейцы считали индейцев такими же неполноценными и недоразвитыми, как всех монголоидов и негроидов, годных для использования лишь в качестве рабов. Такая же политика существовала не только в отношении Африки или Америки. Аналогичная политика была и на Востоке. То есть, все полноценное и развитое провозглашалось приходящим с Запада. И если быть последовательным в отстаивании тезиса о том, что культура к нам должна идти с запада, то придется ее начинать от индейцев. Но, увы и ах, если мы на запад и ориентированы, то почему-то не доходим до индейцев, а останавливаемся на полпути. На том полпути, где когда-то были варвары, с которыми воевала Римская империя.

Историю отношений Востока и Запада сложно назвать дружеской. Желтой и черной расе нет особых оснований любить белую расу. Если мы обратимся к истории и заглянем на несколько столетий назад, то увидим, что та самая политическая карта мира, которую мы имеем сегодня, была совсем другой формы. Это лоскутное одеяло складывалось в совсем иную мозаику, и на протяжении нескольких последних тысячелетий лоскуты в этой мозаике перекраивались достаточно серьезно. Вы помните А. Македонского, других европейских инициаторов захвата, тех же самых иезуитов, крестоносцев, затеявших с конца XI в. походы на Восток против мусульман, а потом также против еретиков и языческих народов, в том числе и России. Эта геополитическая борьба между Западом и Востоком началась в глубокой древности (греко-персидские войны, нашествие на Европу арабов, затем османских турок и др.) и не окончена до сих пор.

Воплощение призвания к мировому господству со стороны христианства и ислама породило резкую обоюдную политическую интолерантность восточного и западного миров. И эта политическая интолерантность была закреплена в категориях Истины соответствующих этносов. Такую роль, например, в христианстве сыграл догмат Фомы Аквинского о непогрешимости папы и о господстве его над всеми государями. Папе для блага христианской церкви

и спасения душ приписывалось право освобождать подданных от присяги и низлагать государей. Утверждалось, что поскольку власть государей истекает из воли народа, то она подлежит контролю народа, а в последней инстанции — контролю папы, власть которого признавалась непосредственным установлением бога. Таким образом была обоснована система контроля за различными народами на всем земном шаре. Папская казна получала большие деньги за делегирование права и буллу на контроль соответствующих народов и территорий.

Подобные системы создавались неоднократно на протяжении мировой истории и на базе иудаизма и мусульманства. Так проводником колониальной политике Голландии генералом ван ден Бошем была введена в 1832 г. на острове Яве пресловутая «система культуры» — culture system. Ссылаясь на начала мусульманского права⁸⁸, голландское правительство объявило себя собственником всей земли, а туземных земледельцев лишь временными пользователями с обязательной за это барщиной на государственных плантациях кофе, сахарного тростника и т.п. Перечисленные продукты объявлялись правительственной монополией в пользу одной частной торговой компании, и весь сахар и кофе обязательно должны продаваться этой компании или правительству, по назначенной им цене, со скромным вознаграждением производителю за его труд. Самая сложная и строгая система контроля была установлена при этом за туземцами, превращенными, таким образом, в казенных крепостных крестьян.

При этом надо отметить, что теологическая софистика служила целям не только привития толерантности туземцам приватизируемых территорий, но и собственному народу для осуществления внутреннего господства. В России подобная система процветала под флагом монархизма и православия.

Почему у нас Русь Киевская получилась, а не Новгородская? Ведь росы жили в Новгороде, Пскове, Рязани, Вятке.... И во всех этих республиках князья нанимались как исполнительная власть со своими дружинами. При плохом исполнении обязанностей князьям путь указывали. Были княжества и монархические, но они были ничтожно малы. И князья захотели такое государство и такую власть, как в Европе. Владимиру и Олегу понравилась Византия. Там так здорово: Василиск — царь, великий князь, князь над всеми, у него все подданные, он богомазанный. Раз он имеет силу, волю, он может подавлять и управлять ближними. Он такой крупный, серьезный, сильный, здоровый, а эти слабые, хилые по сравнению с ним. Если он может ими управлять — значит, ему бог дал эту возможность от рож-

87 Статья написана в соавторстве с А.В. Забариним и опубликована в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» (серия 12, выпуск 4, 2009).

88 gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/053/53265.htm

дения, и это хорошо. Приближенных своих можно подчинить и выстроить иерархически, но для этого их надо крестить, сделать крестьянами, крещеными. Богопомазанным можно держать рабов, крестьян, решать их судьбы по своему усмотрению, жить в роскоши. С этих позиций христианство представлялось удобной религией.

В результате централизации власти в Киеве получилось монархическое государство, и ему была нужна монорелигия, монотеизм. Политеизм и в Греции, и на Руси был ликвидирован. Наших Роданид и даже самого Рода вообще стараются не вспоминать. В результате политеизм и вся связанная с ним древняя культура были ликвидированы (идеографическая письменность, запрещены былины, сказы, песнопения, все музыкальные инструменты: гусли, духовые инструменты, баяны и др.).

Как можно было победить политеизм, если его не противопоставить по категории: Истина — Ложь? Допустим ты веришь в Христа — и верь, а он Афродите поклоняется или Зевсу. Что вам между собой ругаться по этому поводу? Когда отсутствует противопоставление различных этносов на уровне категории Истины (все боги истинны — выбирай на вкус), то в крестовые походы или на джихад не зазовешь.

За счет чего достигалось отсутствие самой возможности противопоставления? За счет того, что каждый культ представлял собой систему сосредоточения и передачи знаний в конкретной узкой области: охоты, земледелия, войны, медицины... Это был своеобразный аналог современной Академии наук, представленный жрецами в различных областях человеческого знания. Эта система политеизма представляла собой мощный стержень для формирования у членов этноса с самого детства основ религиозной и политической толерантности.

Не менее важную ценность для привития установок политической толерантности являла собой и система образования, обеспечивающая высокий общий уровень культуры. Население той же Новгородской или Псковской республик имело высокую культуру в музыке, в устном народном творчестве, в строительстве, в земледелии, в животноводстве, в мореплавании, в обработке черного и цветного металлов, в оружейном, гончарном и бочарном производствах. Но высокая культура граждан республики и их демократичность мешают князю, монарху единолично править, подчинять себе, захватывать территории, собирать со всей территории ренту, дань и распределять ее по своему усмотрению. И монарх должен был ограничить, нормировать или запретить доступ к республиканской культуре.

С разрушением республиканского уклада на Руси и провозглашением монархии, начиная с Ивана Грозного, все христиане стали делиться на богопомазанников и просто крестьян. До высшей куль-

минации это разделение было доведено при Петре первом, когда крестьяне — простые христиане — стали крепостными. Почти 300 лет титульная нация русских пребывала в крепостничестве, будучи обращенной в рабство уже в позднем средневековье. Когда весь мир фактически переживал Ренессанс, возрождение, Россия окунулась в полный мрак.

Выступать против религии, будь то христианство, буддизм, мусульманство, конфуцианство, я не собираюсь и не хочу. Я глубоко верующий человек: моя вера — наука. И право как науки, так и каждой конфессии на самоопределение — вне обсуждения, также как и право каждого человека на свободу совести, на свободу вероисповедания. Если человек верит, то его вера должна быть свята, чтобы никто не смел над ней надругаться, но, конечно же, и она не должна быть агрессивной, не должна мешать другим.

Вернемся к политической карте мира. Вслед за религиозными основаниями пошли основания «научные», причислившие к естественным законам мироздания справедливое, с точки зрения суда истории, вытеснение диких племен и так называемых низших рас Востока. «Нельзя признать ни естественным, ни справедливым, — писал Леруа-Болье, — чтобы цивилизованные народы Запада теснились и задыхались на узких пространствах, которые были их первоначальными обиталищами, и накопляли бы здесь чудеса науки, искусства, цивилизации, оставляя, быть может, половину земного шара в распоряжении рассеянных на обширных пространствах маленьких групп людей невежественных, бессильных, похожих на беспомощных детей; или же в обладании дряхлых народностей, лишенных энергии, не имеющих организации, похожих на стариков, неспособных ни на какое усилие, ни на какую более или менее сложную и предусмотрительную деятельность»⁸⁹.

Средством обрести простор и свежий воздух цивилизованным народам запада стал захват возможно большего количества земель, образование возможно большего числа колоний, оттеснение соперничающих государств и обращение в свою исключительную пользу всех выгод, представляемых владением колониями и торговлей с ними. Конкурентная борьба метрополий за колонии обрела урегулированный характер и закрепилась в XVII в. в так называемой колониальной системе.

Новое время значительно обогатило историю складывания политической толерантности в отношениях между Востоком и Западом научной разработкой вопросов колонизационной техники и колонизационной политики. Возникла целая научная теория колонизации, разработкой которой занимались Г. Мериваль (Merivale), Вэкфильд, Торренс и Гюббе-Шлейден

89 Цит. по www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Колонизация

(Wakefield, Torrens, Hubbe-Schleiden). Показательным является уже само определение феномена, размещенное на страницах даже такого уважаемого издания, как Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «Колонизация — массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства»⁹⁰. И далее из статьи: «торговые колонии — основываются обыкновенно лишь сравнительно небольшим числом выходцев, которые, поселяясь в новой стране, устанавливают правильные торговые сношения между ней и метрополией; они возникают обыкновенно в странах, обладающих значительными природными богатствами при крайне низкой степени культуры туземного поселения; торговые компании, заводящие колонии этого рода, достигают иногда такого могущества, что всецело подчиняют себе туземное поселение (например, английская ост-индская компания)»⁹¹. Поэтому в общем-то совершенно очевидным следствием такой трактовки становилось правильное понимание великой культурной миссии европейцев, осуществляемой ими огнем и мечом среди некультурных и диких туземцев.

Пожар непрерывно пылавших на этой почве войн, явных и скрытых, удалось отчасти потушить лишь в 20 веке. В 1948 году по инициативе Советского Союза ООН вводит принципы политической толерантности в разряд норм международного права, принимая Декларацию прав человека. Декларация прав человека стала итогом длительной борьбы против колониальной зависимости доминионов, за отказ целого ряда европейских государств (Франция, Португалия, Великобритания) от своих колоний. Это была и печаль, и трагедия этих государств, и в то же время они нашли другой способ управления экономикой своих бывших колоний, получения благ от них другими средствами, другими путями.

И сегодня Запад и Восток интенсивно продолжают соперничество. Мы знаем очень много подлогов политических, инсинуаций. Тот же самый Ирак, который, как выяснилось, не имел никакого потенциала бед и несчастий, которые могли якобы возникнуть для США. Это была явная агрессия США в Ираке. То же самое у нас происходит и в других странах. Посмотрите на ближний Восток и Запад:

Израиль: 1948-1949 гг. — захват территории Палестины, отведенной ООН для Палестинского арабского государства, западной части Иерусалима. 1967 — захват некоторых территорий Сирии, всего Иерусалима, провозглашение его в 1980 «вечной и неделимой» столицей Израиля.

Иран: 1921 г. — Великобритания, стремясь полностью подчинить себе Персию, сажает на шахский

престол своего ставленника, военного министра Реза Пехлеви. 1953 г. — Правительство М. Мосаддыка, стремившегося к независимости и начавшего национализацию нефтяной отрасли, свергнуто ЦРУ.

Те же самые конфликты, направленные на удержание протектората, мы видим и в отношениях между Дальним Востоком и Западом. Это и Северная и Южная Корея, и Китай, и Япония, и Индия, и Шри-Ланка. И интересы совсем далеких западных стран, которые находятся уже на американском континенте, не всех, а определенных стран, почему-то распространяются на весь мир. И глобализация часто ведет не к тому, чтобы появилось больше уважения, толерантности к людям другого государства, иной расы, национальности, а, напротив, порождает этническое противопоставление, этническую борьбу, этническую изолированность.

Каковы же психологические корни этого противостояния?

Любая территория племени, народности, нации всегда кем-то охранялась и содержалась. Если мы обратимся к этологии, то на биологическом уровне существует ареал расселения вида, но есть также территория, место стаи, семьи, прайта. Та же волчья стая имеет большое пространство, занимаемое ею. И если вдруг в одной волчьей стае появляется много волчат и добычи ей не хватает, она должна расширить свой ареал и захватить территорию. В основе такого поведения волчьей стаи лежит врожденный инстинкт. Волкам надо быть сытыми. Волк, исключая разве что бешеного волка, не будет резать лишних овец. Это очень редкие случаи. Также и тигры, и львы поступают. Человек же, в отличие от животных, ведет себя как бешеный волк по принципу: не съем все — так хоть понадкусуваю. Откуда возникает эта психология — трудно решить. Можно обращаться к аналогам из мира животных, к запасам, которые делают те же самые белки, грызуны, пчелы. У них эти запасы превышают их собственные потребности в несколько раз. Но они не соревнуются — одна белка с другой — у кого в дупле больше орехов. А у человека это сразу же переходит на ранговое место в стаде: у кого больше благ.

Этология достаточно убедительно раскрывает биологические основания того, почему никак не хотят быть толерантными соседи, откуда произрастает черный юмор насчет того, что лучший сосед — это сосед мертвый. Иерархия в животном мире призвана обеспечить минимум конфликтов в зоосоциуме. То есть, если взять тех же коров в стаде, то корова, занимающая тринадцатое место, не будет воевать с коровой, занимающей третье место в стаде, только с коровами, занимающими двенадцатое и четырнадцатое место. Так же дело обстоит и с территорией.

Но в отличие от животных, психология человеческая своеобразна. Есть агрессивная, такая, которая

90 gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary

91 Там же.

считает, что должен процветать и жить счастливо только тот, кто посильнее, понаглее, и который отбирать может. Эти напахали, наткали, настроили, напроизводили всего, а что они такое? Быдло, работяги. Надо у них отобрать и поделить. Возникает рэкет, но тогда это называлось еще даже не налогами, а данью. Захватил территорию — собираешь с нее дань. И вот если мы с вами сильные, захватываем территорию и с этой территории собираем все блага, естественно эта концентрация усилий множества людей происходит в одном месте, где я могу построить дворец. Если у всех по своим кошелкам будут лежать эти блага, то дворца не будет. У всех будет что-то такое усредненное. Решили, что пусть все лучше будут богатыми, чем бедными, а как это сделать? А очень просто — надо отнять у бедных (они все равно бедные) и стать богатыми. Но когда у своих уже все поотнимали — больше нечего — начинают осваивать новые территории. И вот где философия такая агрессивная с позиций воли и силы, взять тех же финикийцев, ту же Римскую империю или империю Чингис хана, Тамерлана, там складывался и очень специфический набор ценностных ориентаций, составляющих категорию Добра, специфический уклад жизни. Зачем пахать, зачем пасти, обрабатывать что-то? Жизнь красна тем, чтобы вкусно есть, сладко спать, жену-красавицу завести, лучше несколько. За счет чего так можно существовать? Совершил набег на соседей, отнял блага, а заморские вещи они даже интереснее. У соседа всегда все вкуснее.

Но существовала и неагрессивная философия и психология, такая, которая считала, что необходимо оставить, сохранить свой лоскут, и его никому отдавать не надо. Не надо особенно грабить и убивать чужих, а жить по разуму, то есть, чтоб ценности были не материальными (у кого дом, лошадей, одежд больше), а духовными. Были и целые культуры, которые существовали на совсем иных, не разбойничьих основаниях. Была Спарта, которая не была ориентирована на роскошь, на богатство. Контрибуции спартанцы какие-то получали, но тратили их на постройку храмов, зданий общественных. Порой звучат оценки о существовании тоталитаризма в Спарте, высмеивающие их общественный уклад, мнения о том, что якобы спартанцы хотели, чтобы все были равны в бедности. Но Спарта была во времена своего расцвета одним из богатейших государств Эллады. Там понимали, что по Чукотке и по «Челси» каждому спартиату не дашь, и представляли все это в собственность общественную.

И эта страна, законы которой установил Ликург, просуществовала почти двенадцать столетий, фактически столько же, сколько и Римская империя. Но просуществовала практически без всякого грабежа с ориентацией на комфортную жизнь. Но ком-

фортная жизнь, с точки зрения спартиата, — это когда ты сыт, одет, не в холоде, и когда ты ведешь достойную жизнь с точки зрения окружающих. И понятие Изобилия — это чисто психологическая категория, которая никак не соотносится с понятием садизма, скрытого и часто неосознаваемого, воплощаемого принципом: вести такую жизнь, чтоб сосед от зависти повесился. Все эти ранговые соревнования имеют под собой социально-биологическую основу, они иррациональны по своей природе. Но если они разумным человеком корректируются, то в принципе в этносе перестает быть зависть с точки зрения материальных благ: у кого больше перстней, машин, тубель. В категорию ценностей для людей переводятся такие, которые не приводят к перенасыщению и не приводят к чувству ущербности одного человека относительно другого. Таковыми являются духовные ценности.

Если брать Спарту, то там высшей доблестью гражданина была любовь к Отечеству, и даже гибель за отечество была намного более достойной, чем жизнь, обеспеченная купанием в роскоши. При всем культе воина, создаваемом в Спарте, там даже оружие было менее драгоценным, чем у римлян, имевших обыкновение украшать рукояти мечей драгоценными камнями. Потребности в ранговом месте удовлетворялись через призму признания спартиата лучшим спортсменом, воином... Вообще, если культуры не ориентированы на роскошь, они превращают предметы роскоши в символы героизма, рангового места с точки зрения героики соответствующего этноса.

Столкновение между собой интересов этносов — носителей агрессивной психологии и противостояние им этносов с неагрессивной психологией и порождает проблемы политической интолерантности. Можно искать биологические, культурные основания политической интолерантности.

Монголоид, европеоид и негроид имеют расовую несовместимость. Эти три расы несовместимы на биологическом уровне. Самец терпеть не может, когда самки его цвета начинают ходить с самцами другого цвета. Причем, как правило, у самок такой дифференциации не происходит. У них она проявляется уже в возрасте, когда биологическая активность затухает и начинает проявляться социально-биологическое: наши — чужие. Но социально это биологическое преодолевается достаточно легко.

Несовместимость формируется и чисто эстетическими способами, используя различную униформу. Эталоны женской красоты государств Востока порой приходили в вопиющий контраст с европейскими эталонами, а соответственно порождали у каждой из сторон эмоциональное неприятие. Национальная форма одежды могла приводить к чувству стойкой идиосинкразии в отношении представителей чуж-

дой культуры. И тот же язык, вторая сигнальная система, диалектика как совокупность словесных конструкций, используемых для описания чего-либо, это тоже своего рода униформа, которая использовалась для обособления этносов. Это используется везде и всюду. Взять даже профессиональные сообщества, в которых появляются особые словеса, арго, жаргоны для отделения своих от чужих.

Эта несовместимость конструктивна. Она является средством сохранения самобытности каждой из культур. Так если я начинаю вносить в восточную культуру европейскую и перестраивать ее на европейский лад, то эта культура начинает разрушаться и просто начинает исчезать. Почему? По той причине, что человек переживает категории добра и зла, красиво и некрасиво, также как и первые сигналы. Для него уже вторая сигнальная система становится доминирующей в его жизнедеятельности, и просто кушать он не будет, если ему пищу накладывать будут грязными руками в нечистоты какие-либо. Его даже стошнить может. То есть, физиология уже работает против выживания, а защищает ту или иную культуру, тот или иной этнический стереотип. Вот эти стереотипы и формируются в каждой из культур по-разному.

Когда вера толерантна, когда политическая воля правителей того или иного государства толерантна к окружающим, она формирует в этносе противопоставления, как раз, как правило, на уровне эстетических категорий. Деструктивная несовместимость формируется на уровне категорий Истины и Добра в тех случаях, когда миссией этноса объявляются «очищение земли от неверных», завоевания, борьба.

Само понятие политической толерантности таит в себе некую двойственность, напоминающую двойные политические стандарты. Политика представляет собой деятельность субъекта, направленную на формирование, развитие или разрушение этноса. А отсюда появляется как бы две стороны политической толерантности: проявление уважения к формированию и развитию других этносов и проявление уважения к разрушению других этносов.

До тех пор, пока в международном масштабе не будет выстроена система, препятствующая процветанию агрессивных и паразитирующих этносов, устанавливающая не подлежащие субъективному толкованию общечеловеческие принципы этнических взаимоотношений, у нас не будет особых побед на поле взращивания политической толерантности. Этноты не имеют права проявлять агрессию, захват, будь то физический, политический или экономический, в отношении друг друга, но и в отношении них никто не имеет права проявлять агрессию, разрушать их или насильно модернизировать. Пусть они сами развиваются, эволюционируют, им можно только помогать. При этом

они, безусловно, должны учитывать общечеловеческие принципы.

И действительно, даже сегодня, как предрекал еще в 1990 г. Джон Нейсбит, известный в мире футуролог, что каждое племя, каждая нация, каждая раса все равно будет стараться как-то свою культуру сохранять, свой язык, обычаи, традиции, может быть даже в музейном варианте. К этому действительно идет мир. Если мы посмотрим на ту же одежду, форму одежды, эстетику одежды 18-19 веков, двадцатого века и сегодняшнего двадцать первого века, то увидим, что модификации произошли очень серьезные. Особенно показателен в этом плане двадцатый век, когда большое количество даже арабских стран перешло на европейский тип одежды.

Хорошо еще Л.Н. Гумилев говорил. Он приводил в пример А.С. Пушкина: «По расовому признаку он чистый мулат, то есть помесь черной и белой расы. По культуре он воспитывался в лицее, у него были французские и немецкие языки, европейская культура была наиболее популярна, наиболее доминирующей в те годы. И вместе с тем те преподаватели, которые были, они все равно имели свое патриотическое отношение к России. И в итоге мы имеем Пушкина как великого русского поэта. Это огромная эрудиция, значительно шире, чем группа славянских языков, он значительно обогатил и русский язык. Он воспевал Русь и для России оказался совсем русским. То есть этническое содержание Пушкина — это человек русский совершенно». Этот пример наглядно демонстрирует, что ни генетических оснований для этноса не существует, ни культуральных, с точки зрения культуры, не связанной с глубинным пониманием этноса через призму биологических, социально-биологических и социальных целей жизнедеятельности. Это все можно по-всякому переворачивать и перестраивать.

До тех пор пока наше научное сообщество не найдет пути убеждения политиков, а скорее даже не объяснит людям, которые живут в тех или иных государствах или находятся под воздействием тех или иных конфессий, чтобы они смогли понимать, что ими манипулируют часто сугубо в политических целях, причем явно в интересах меньшинства, то, очевидно, никаких достижений особенно толерантных мы не будем иметь.

На бытовом уровне, по цвету кожи, форме одежды, культуре, убеждениям человека никаких особых проявлений политической интолерантности не наблюдается, если только это специально не спровоцировано, не разогрето в политическом аспекте. Проявления политической интолерантности формируются за счет всякого проявления публичных механизмов управления массами или, извините за фри-

вольность, управления толпой, о которой писал Густав Лебон еще в конце девятнадцатого века.

В заключение, несколько слов о том, что нам можно сделать в прикладном аспекте.

Политическая воля доминирует, политическая воля не только государственная, но и конфессиональная. Поэтому мы должны продумать такие пути решения этой проблемы, которые в состоянии пройти, и показать другим, куда надо идти, то есть это должны сделать ученые.

Мы с вами вряд ли сможем повлиять на политиков непосредственно и даже опосредованно. Если мы будем пытаться влиять на политиков, мы с вами не достигнем большого успеха. Никакие логические конструкции, никакие доводы чисто логического толка не принесут желаемой пользы.

Но если мы с вами сможем разработать адекватную теорию, а потом сможем создать для нее метрологическую основу, возможно, «толерантометрию», с помощью которой мы сможем объективно сравнивать те или иные правительства, те или иные конфессии, тогда мы сможем говорить, что правительство такого-то государства имеет по толерантности 150 баллов, а это 23 бала. Более того, если мы введем уже не научные термины, а политические: «Вот эти — агрессоры, а эти — доброжелатели» и т.п., мы с вами поставим точки над «i». Народы, исповедующие ту или иную веру, поймут, кто и как, к чему и к кому относится, и зачем, и почему.

На международной конференции по толерантности в СПбГУ в 2008 году было поддержано мнение по поводу того, что мы уже имеем многолетний опыт международных собраний — это была уже седьмая конференция, и для всех действительно очевидно, что есть объект, предмет и методы изучения толерантности. Практически почти полностью сформирована атрибутика новой науки, которую профессор Козлов предлагает назвать толерантологией. Я искренне поддерживаю данное предложение. Но любая логика, любая логия научной дисциплины становится особенно хорошей тогда, когда она опирается на объективные характеристики. И это, может быть, поможет всем нам, и не только нам, но и всем живущим на белом свете, избежать новых трагедий.